

Борис Яковлевич ЭЙФМАН

ВСТРЕЧА В БОЛЬШОМ ТЕАТРАЛЬНОМ ЗАЛЕ

3 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА

У нас в гостях — художественный руководитель Санкт-Петербургского академического театра балета Борис Яковлевич Эйфман. Борис Яковлевич отмечен многими высшими званиями и наградами Родины: народный артист России, лауреат Государственной премии, лауреат всех ведущих театральных премий — «Триумф», «Золотая маска», «Золотой софит».

Несомненно, Борис Яковлевич — наше национальное достояние и национальная гордость. Но не только. Сегодня у меня есть все основания представить Бориса Яковлевича как планетарное явление. Авторитетнейшая американская газета «Нью-Йорк Таймс» написала недавно, что мир нашел своего главного балетмейстера. Особенно приятна высокая оценка Эйфмана во Франции, ведь французы, как никто другой, культивируют современный балет и знают в нем толк. Поэтому так весома их награда — орден Кавалера (Шевалье) искусств.

Когда-то классический балет пришел в Россию из Франции. Ныне он проделал обратный путь в лице театра Бориса Эйфмана. Борис Яковлевич — живой классик, балетный пророк, провидец, создатель нового вида балетного театра, театра будущего. Он по праву занимает высшую ступеньку современного балетного Олимпа.

Борис Яковлевич родился 22 июля 1946 года в Алтайском крае. Его отец был инженером, мать — врачом. Родители хотели, чтобы сын не танцевал, а пошел по их стопам. Но все было predetermined. Сначала Борис Эйфман начал танцевать, а потом — ходить. Все время находился в движении. Очень рано ощутил свое предназначение в жизни как хореограф.

Борис Яковлевич считает, что является реализатором, проводником каких-то высших идей. Свое первое хореографическое сочинение он записал в

13 лет. Он счастлив, что обладает даром через пластику актера выражать энергию, которая переходит в зал. Хореографы не сочиняют танцы, а создают особое хореографическое поле. Для Эйфмана хореограф — профессия магнетическая. Вокруг все движется, живет, но вот появляется человек, который систематизирует, отбирает движения, и они через артистов начинают заряжать зал энергией — информационной, эмоциональной, если хотите, философской. Это дар Божий, который дается только избранным. Таков хореограф по Эйфману.

Хореографическое училище Борис Яковлевич закончил в Кишиневе, а в Ленинграде — балетмейстерское отделение Ленинградской государственной консерватории. Имя Эйфмана громко зазвучало в 1972 году. Тогда в Малом театре оперы и балета в Ленинграде появился эмоциональный, адекватный заразной музыке балет А. И. Хачатуряна «Гаянэ». Это была дипломная работа Эйфмана. Вскоре новая удача — балет И. Ф. Стравинского «Жар-птица» в Кировском театре. Леонид Яковсон тогда сказал, что Эйфман — один из немногих балетмейстеров, способных мыслить хореографически. Запомните это словосочетание — мыслить хореографически. Была записана на редкость талантливая телевизионная версия балета.

Потом Борис Яковлевич работал в Вагановке, готовил балетные программы в Ленконцерте, Балете на льду, поставил спектакли в Польше и ГДР. Но все время думал о своем театре. Не о должности главного хореографа в каком-то театре, а о собственном театре. В 1977 году он создал его. Это вежа в судьбе Бориса Эйфмана.

Хотелось бы, чтобы вы поняли своеобразие хореографической обстановки того времени. Русский театр славился во всем мире классическим балетом, который теперь на Западе считают «музеем балета». Классический балет был в броне традиций. Его, как музейную ценность, охраняли партийные органы. Хореографически мыслить и творить разрешалось, лишь не выходя за рамки сложившейся традиции. Борис Яковлевич вовсе не собирался относиться к балету как к музейному экспонату и вступать в XXI век с

отреставрированным «Лебединым озером». Реставрация — это замечательно, но только новое, в том числе эксперимент, — путь в будущее. Он решается на создание альтернативного балета, в котором сохраняется традиция, обогащенная смелым модернистским решением. Эйфман создает спектакли, несущие мощный реформаторский заряд, представляющие российский балет конца XX века как конкурирующую альтернативу современному мировому балету.

До Эйфмана с современным мировым балетом у нас практически никто не конкурировал. Конечно, Ленинградский обком КПСС всполошился. Шутка ли: появился театр, который не вписывается в традиционные рамки, не соответствует старинным формам русского балетного искусства. Эдак неизвестно куда можно пойти. Оказывалось всевозможное давление: театр не пускали за границу, не выделяли субсидий, негде было репетировать.

Когда Борис Яковлевич поставил балет «Поединок» по А. И. Куприну, то сдавал его худсовету два или три раза, поскольку у членов худсовета сложилось мнение, что после показа этого балета молодежи дезертирство в армии возрастет в несколько раз. Когда он показывал балет «Мастер и Маргарита», его упрекали: «Вы хотите сказать, что наша страна — страна безумия, и что у нас проводят психотерапевтические опыты над людьми». Когда он сдавал «Фигаро», говорили, что это не хореография, а порнография, что, безусловно, было неправдой. Такие были времена — об этом нельзя забывать. Нужно было быть сильным и мужественным человеком, чтобы в годину этих тяжелых испытаний сохранить и не предать себя и свои идеи, свое детище — театр.

Как ни странно, помогала в те годы Москва. В Москве в те годы было легче дышать, поэтому немало талантливых петербургских художников переезжали туда. Гастроли театра Эйфмана в Москве проходили с огромным успехом. После хвалебных статей в «Правде» устранить, уничтожить театр Ленинградскому обкому уже было не по силам.

Борис Яковлевич создал более 40 спектаклей. Его постановки тесно связаны с литературой. В творческой биографии Эйфмана видное место

занимают спектакли, воплощающие его новаторское прочтение Достоевского, Булгакова, Куприна, Брехта, Бомарше. В мировую хореографическую сокровищницу вошли балеты «Идиот», «Мастер и Маргарита», «Братья Карамазовы», «Чайковский», «Красная Жизель», «Мой Иерусалим», «Русский Гамлет», «Дон Жуан и Мольер».

Настоящее волшебство не поддается разумному объяснению. В попытках описать хореографию Эйфмана ощущается словесное бессилие. Это тот редкий случай, когда обязательно надо увидеть, а не услышать. И все-таки рискну сказать: в каждом спектакле есть частица самого Бориса Яковлевича. Когда-то Флобер говорил, что он сам и есть мадам Бовари, а Толстой утверждал, что Наташа Ростова — это он. Мне кажется, что и в «Дон Кихоте», и в «Дон Жуане и Мольере» Борис Яковлевич рассказывает о себе, о драме человеческой личности.

Я надеюсь, что те наши студенты, кто еще не стал, обязательно станут горячими поклонниками театра Эйфмана. Правда, с каждым годом, с каждым месяцем все труднее и труднее попасть на спектакли театра. И это хорошо.

Я уверен, что, когда нынешним первокурсникам будут вручать дипломы об окончании Университета, у всемирно прославленного балета Эйфмана появится собственное помещение. Во всяком случае, когда мы летом праздновали юбилей Бориса Яковлевича у нас в клубе “Plaza”, губернатор Владимир Анатольевич Яковлев объявил, что добьется для театра помещения в Петербурге. К 300-летию города балет Эйфмана будет давать спектакли в собственном театре. Сегодня театр балета Эйфмана — театр-фантом, гастролер в родном городе, который должен ловить редкие «окна» в графике других театров.

Вот почему за рубежом Эйфман дает в два-три раза больше спектаклей, чем в Санкт-Петербурге. График зарубежных поездок Бориса Яковлевича уже установлен до 2002 года, а что его ждет в Петербурге в следующем квартале — ни Борис Яковлевич, ни его администраторы сказать не могут. Ждите информацию о спектаклях Эйфмана.

Все разговоры о выделении театру помещения до последнего времени оставались лишь разговорами. Если принять во внимание особый, петербургский менталитет Бориса Яковлевича, отсутствие «дома» у его театра кажется тем более абсурдным и невыносимым. Он считает, что может жить и творить полноценно только в этом городе. Петербург подпитывает его духовно и энергетически. Борис Яковлевич рассказывает, что чувствует флюиды живших здесь гениев, физически ощущает их идеи.

Сегодня Эйфману может быть предоставлена любая театральная сцена мира, а он сделал для себя выбор раз и навсегда — остаться в городе, который до сих пор не может построить ему театр. Заграница, кажется, пришла к нам на помощь и на этот раз (хотя стыдно иногда принимать помощь). Одна американская компания готова без российской копейки построить для Эйфмана в Петербурге Дворец танца к юбилею города. Видимо, если все сложится нормально, в уникальном, не имеющем аналогов в мире театральном сооружении разместятся три труппы: Романтического русского балета XIX века, Балета XX века (Театра Эйфмана) и Авангардной хореографии XXI века.

Борис Яковлевич надеется, что это спровоцирует появление новой генерации хореографов, которые разовьют и обогатят школу Эйфмана. Во Дворце танца предполагают проводить конкурсы, фестивали, мастер-классы. Днем во Дворце будут заниматься дети, вечером — давать спектакли, а ночью — проводить дискотеку.

Представители компании уже встречались с руководством города. Идея нашла поддержку в Министерстве культуры и в администрации Президента РФ. Сейчас главное — сделать все вовремя и не «заболтать» эту идею.

Борис Яковлевич человек немного «не от мира сего» в самом высоком смысле. Он ведет аскетическую, жертвенную жизнь отшельника, замкнут. За рамками балетного зала ему некомфортно.

У Бориса Яковлевича замечательные жена и сын. Его супруга Валентина Морозова — бывшая прима-балерина труппы. Она танцевала главные партии в спектаклях Эйфмана, была и остается его музой. Сыну Александру шесть с

половиной лет, он пошел в первый класс. Бориса Яковлевича подпитывает любовь к сыну. Мысли о нем, приливы нежности к нему озаряют и дают энергию. В Саше есть что-то артистическое: он любит лицедействовать, устраивать домашние представления. В спектакле «Русский Гамлет», недавней премьеры театра Эйфмана, у Саши эпизодическая, но важная роль — он играет маленького Павла.

В США я встречался с Иосифом Бродским, имел с ним две весьма продолжительные беседы. И мне кажется, есть нечто незримо соединяющее этих двух российских, петербургских гениев — Иосифа Бродского и Бориса Эйфмана. Поэтому я хочу свое выступление закончить мудрыми словами Бродского: «В каждой музыке — Бах, в каждом из нас — Бог». Я хочу, чтобы каждый из вас услышал в себе музыку Баха, чтобы вы не погубили в себе божественное начало, которое так ярко проявляется в жизни и творчестве нашего замечательного современника и согражданина Бориса Яковлевича Эйфмана. Творчество Эйфмана будет нам надежным поводырем на этом пути.

Александр Запесоцкий

ВЕСЬ МОЙ ПУТЬ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ К СОВЕРШЕННОМУ СПЕКТАКЛЮ

Здравствуйте, дорогие друзья! Я очень тронут тем, что сказал Александр Сергеевич. Никто так много хорошего не говорил обо мне и моем театре. Спасибо Вам, Александр Сергеевич!

Такие слова действительно действуют вдохновляюще, потому что ощущаешь, что многое было прожито не зря, и если созданное находит такое понимание, то все было сделано правильно.

Я поздравляю вас с началом учебного года. Мой сын пошел в этом году в первый класс, и, сбросив много-много лет, я ощутил себя учеником, студентом,

который тоже пошел в школу, в консерваторию. Эти переживания навеяли много приятных воспоминаний.

У вас сейчас замечательное время — используйте его с толком и будьте счастливы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Борис Яковлевич сказал, что никто о нем и о его театре не говорил столько хороших слов. Это, конечно, не так, Борис Яковлевич. На Вашем дне рождения я разговаривал с театральными критиками из Нью-Йорка и других городов: их оценка намного превосходит мою. Надо признать, что сегодня Вы считаетесь в мире балетмейстером номер один. Не в Петербурге, не в России — а в мире. Вместе с тем, в прессе, особенно московской, я встречаю много ядовитого, ернического, попытки донести до читательской аудитории очень странное представление о Вашем балете. В балетных кругах этого нет, а в прессе есть. Почему это так, как Вы думаете?

— Я думаю, это очень просто и очень сложно. Сложно потому, что действительно трудно понять молодых людей, которые только входят в критику, но делают это очень агрессивно, с негативным восприятием искусства, я бы даже сказал, неприятием искусства — нельзя относиться к искусству положительно, так ненавидя его творцов. Наша сегодняшняя критика вызывает сожаление. А с другой стороны — все очень просто: молодой критик входит в профессию, а сегодня самоутверждение становится главным в любом деле.

Приоритетом является не критический анализ искусства, не восприятие произведений искусства по его законам, а расталкивание локтями своих конкурентов, коллег и утверждение себя модными средствами — отрицанием, уничтожением и, конечно, так называемым самовыражением. В такой критике в первую очередь представлен не анализ произведения искусства, а именно выражение тех комплексов, тех нереализованных желаний этих мальчиков и девочек, которые, к сожалению, очень негативно себя проявляют.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Все, что Вы делаете в своих балетах, Вы делаете, вроде бы, пользуясь техническими средствами классики. У Вас танцуют солисты, получившие классическую хореографическую подготовку. Как Вы относитесь к иным современным направлениям в танце, и что Вы считаете наиболее интересным?*

— Я глубоко убежден, что классический танец стал такой же традицией, как и так называемый модерн-данс, который сегодня, хотя и развивается во многих странах, но уже — традиция, классика, которая осталась в XX веке. Я думаю, что будущее мирового балета в соединении различных видов и техник танца, которое, конечно, зиждется на фантазии хореографа, его интеллекте и одаренности. Это в конечном счете должно привести к какому-то новому виду хореографии, новому виду балетного театра. Поэтому, с одной стороны, я имею дело с актерами, получившими классическое балетное образование, а с другой — работая, мы знакомимся с различными техниками танца и стремимся к тому, чтобы использовать все, что способствует созданию образа и дает новый импульс развитию танца.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Борис Яковлевич, студенты есть студенты: без молодежного хулиганства не обойтись. Они просят (читает записку): Борис Яковлевич, не могли бы Вы показать несколько па из балета?*

(Эйфман показывает.)

— Я надеюсь, вы удовлетворены. Да?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Повторять будете потом. Другой вопрос: Борис Яковлевич, трудно ли в наше время быть легендой?*

— Я двойственно отношусь к тому, что думают обо мне или о моем театре. Александр Сергеевич сейчас сконцентрировал то, что говорят о нас, и, действительно, испытываешь чувство гордости за то, что сделано, за свой театр. Но при этом нужно относиться к этому с иронией, дистанцируясь от того, что происходит вокруг. День за днем проживаешь очень непростую, тяжелую творческую жизнь.

Наша профессия такова, что ежедневно, приходя в балетный зал, приходится практически все начинать с нуля. Ведь то, что связано, как вы говорите, с легендой, — это прошлое, а настоящее и будущее ты творишь сегодня. И каждый день работаешь на утверждение своего «я», своей позиции в искусстве и той идеи, ради которой ты живешь. Поэтому я очень спокойно отношусь к тому, что происходит вокруг, и внимательно и трепетно — к тому, что происходит внутри меня.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Борис Яковлевич я буду задавать вопросы с подковыркой, если позволите.*

— Пожалуйста.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *У Вас есть авторитеты в балете? Бывает ли, что Вы смотрите балетные спектакли, которые заставляют Вас сожалеть, что не Вы их поставили?*

— То, что происходит в моем театре, родилось на основе глубокого изучения работы замечательных мастеров прошлого — Леонида Яковсона, Юрия Григоровича, западных хореографов — Бежара, Киллиана, Ноймайера. Их творения, конечно, очень вдохновляли меня. Сегодня не появляются новые имена, новые интересные хореографы уровня тех мастеров, которых я назвал, и поэтому мало что вызывает настоящую творческую зависть. К сожалению, мне немного удастся увидеть, потому что я ежедневно работаю с труппой, но то,

что я наблюдаю, меня не очень вдохновляет. Не случайно концепция Дворца танца, который я мечтаю построить, включает идею поиска молодых хореографов и возможность дать им шанс быстрого развития своего дарования.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Вы танцуете рок-н-ролл?*

— В свое время танцевал, и очень неплохо. Давно не пробовал. Будет возможность — попробуем вместе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Поскольку вы коснулись классики рок-музыки, я должен сообщить, что Борису Яковлевичу предлагали огромную, неслыханную по стандартам мирового балета сумму за работу с хореографической труппой Майкла Джексона. Борис Яковлевич отказался. Его привлекают не деньги, а возможность делать в искусстве то, что ему нравится. По-моему, были такие предложения и от самого Майкла Джексона.*

— И от Принца тоже.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Да? От Принца?*

— Да. Но я не призываю вас подражать мне в этом.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *То есть: хотите работать с Майклом Джексоном — пожалуйста!*

— Да. И зарабатывайте большие деньги.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Понятно, что Вы человек, всецело отдающий себя балету, но если заниматься балетом было бы невозможно, чем бы Вы занимались?*

— Это трудный вопрос. Я в жизни ничего больше не пробовал, не знаю, чем бы я мог заняться, и в чем мое предназначение, кроме сочинения хореографии. Поэтому я не могу вам ответить на этот вопрос. Мне кажется, что я ничего толкового в жизни не сделал бы, и ничто другое у меня не получилось бы. Поэтому я рад, что очень рано познал себя, свое предназначение, и всю сознательную жизнь прожил в интересной работе. Я счастливый человек.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Борис Яковлевич, Вам когда-нибудь приходилось убегать от поклонниц?*

— Да нет, не убегал, скорее, наоборот.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Молодежь, видимо, все тонко чувствует. Студенты пишут: «Вы производите впечатление скромного, не испорченного “звездной” славой человека. Так ли это? Как Вы избегаете “звездной” болезни?»*

Все абсолютно так, по-моему, Борису Яковлевичу даже не совсем удобно самому на это отвечать. Он действительно сконцентрирован на искусстве, а не на продвижении себя в искусстве.

Борис Яковлевич, как все-таки так получилось, что Ваша дипломная работа, первая работа вообще, прошла на сцене, не побоюсь сказать, великого театра с давними академическими традициями. Как Вам удалось при Вашей скромности и отсутствии нахальства, типичного для многих современных деятелей культуры и искусства, поставить дипломный спектакль в таком театре, как Малый оперный?

— Я думаю, что я в какой-то степени оборотень. Я совсем не тихий и скромный человек в своем деле — в балетном зале наоборот: я очень нескромный, очень активный, даже агрессивный, поскольку, чтобы заставить

работать с полной отдачей все и вся вокруг, нужно обладать колоссальной энергией, я бы сказал — агрессивной энергией. В деле я совсем другой. Видимо, моя активность и экстремальное выражение себя проявляются именно на репетициях. Потом, после репетиций, я вновь накапливаю энергию, поэтому вне творческого процесса я спокойный, пассивный и тихий. Когда я говорю — я отдаю, когда молчу — обретаю. Причина, наверное, в «двойной» жизни.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:— *Я знаю, что балет у Вас на первом месте. Студенты спрашивают, что еще Вы цените в жизни.*

— Да, до сорока девяти лет для меня балет был на первом месте, более того — вся моя жизнь была связана с ним. А в 49 лет у меня родился сын, и сейчас я очень рад, что могу вести «двойную» жизнь. У меня есть театр, есть свой дом и есть это маленькое, обожаемое мною, существо, которое меня вдохновляет. Конечно, вы молодые люди и многим из вас незнакомо необыкновенное счастье и необыкновенное чувство сопричастности со своим продолжением, с таким близким-близким и родным человеком. Сейчас у меня две очень важных ипостаси существования — существование в театре, в творчестве и существование отца, который счастлив тем, что может видеть своего ребенка.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Студенты понемногу хулиганят и спрашивают: «Поете ли Вы?»*

— Вы слышите мой голос? Я хриплю, а не пою. Нет, я не пою, я кричу. Кричу для того, чтобы меня услышали, поняли, почувствовали актеры.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Уважаемый Борис Яковлевич, Вы человек творческий, а, как известно, творческие люди переменчивы. Менялись ли когда-нибудь Ваши взгляды в искусстве?*

— Взгляды в искусстве не менялись. Я менялся, конечно, потому что годы меняют. Я вырослел, становился мудрее и многое познавал, как в своем искусстве, так и в жизни. Глубокие изменения произошли внутри меня, но мои принципы и отношение к искусству, отношение к своему творчеству, назначению не менялись никогда. И я думаю, что это замечательно, потому что так называемой перестройки у меня не было — я изначально был нацелен на созидание, на творческий процесс.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Борис Яковлевич, интересуетесь ли Вы политикой?*

— Постольку поскольку. Я стараюсь быть в курсе глобальных событий, которые происходят в мире и у нас в стране, но не углубляюсь в политику, потому что считаю, что не готов понять все ее сложные переплетения, лабиринты, и это для меня утомительно. Можно сказать, интересуюсь только на информационном уровне.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Мы помним, что по телевидению всегда транслировали «Лебединое озеро», когда умирал кто-нибудь из руководителей Политбюро ЦК КПСС, а студенты знают, что так же было и во время попытки переворота в 1991 году. Смотрели ли Вы в такие минуты этот балет и что чувствовали при этом?*

— Интересный вопрос. 19 августа 1991 года рано утром произошел путч, а 20 августа мы должны были показывать в Октябрьском зале премьеру балета «Реквием» на музыку Моцарта. 19 августа были запрещены все театральные выступления, и 20 августа вместо моего «Реквиема» Моцарта везде показывали «Лебединое озеро». В тот момент я впервые возненавидел этот балет, хотя очень люблю классику и «Лебединое озеро».

Я понял тогда, что этот балет используют, чтобы отвлечь людей от серьезных, кардинальных и животрепещущих проблем, будоражащих общество. И подумал, что наше искусство вовсе не так беспринципно и бездуховно. 21 августа нам разрешили сыграть премьеру, и мы показали «Реквием». Это было большое счастье, потому что в моем прочтении «Реквиема» Моцарта есть идея смерти и возрождения. В те дни город жил напряженной жизнью, а когда все очнулись на третий день, то финал «Реквиема» стал призывом к действительно новой жизни, к возрождению: зал встал и вместе с нами пережил его. Это было незабываемо, и в тот миг я в очередной раз ощутил силу и значение нашего искусства.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Борис Яковлевич, я хотел бы узнать Ваше мнение о цензуре в советские годы и об отсутствии цензуры сейчас. Когда у нас в коллективе что-то не получается, ибо что-то не так делаем, а это бывает довольно часто, я начинаю спорить со своими сотрудниками и обычно говорю: «Ничего вы не можете без партийного руководства». Мы занимаемся административной работой.

Такое впечатление, что и в искусстве с исчезновением цензуры на эстраду, на театральные подмостки, на телевизионные экраны полезло невероятное количество дряни. Просто вал нечистот, помоев — настолько понизилась художественная планка. В то же время нового, большого, значимого почти нет. И у меня сложилось мнение, что многое по-настоящему интересное рождалось у художников в конфликте с цензурой. Конфликт заставлял творить, напрягаться, думать, как донести, искать какие-то способы, и в результате рождались творения, которые потрясли современников. Что Вы думаете по этому поводу?

— Я не совсем с Вами согласен. Я думаю, что для большого художника, настоящего художника существует только одна цензура — самоцензура, объясняющаяся его прямой связью с Богом, с высшей истиной, которой он

служит. Поэтому никакая партийная номенклатурная цензура не может спровоцировать творческий процесс. Наоборот, я глубоко убежден, что она уничтожает его.

Да, мы обожаем музыку Шостаковича, но не знаем, какую музыку он писал бы, если бы был свободен и не боялся каждую ночь, засыпая, что за ним придут на «черном воронке». Мы не знаем, какого уровня достиг бы великий хореограф Леонид Якобсон, не будь цензуры и давления на него. Говорят, что художник должен быть голодным, — неправда. Он должен быть сыт, одет, обут, но испытывать духовный голод. Он должен жить ненасытной творческой жизнью, стремиться ежедневно творить. Это я называю стимулом творчества. Никакая цензура не способна стимулировать творческий процесс.

Айсель ТУЛИГЕНОВА, студентка факультета культуры, специальность — журналистика, I курс, г. Актобе, Казахстан: — *Уважаемый Борис Яковлевич, скажите, пожалуйста, приходилось ли Вам жертвовать чем-то очень дорогим в жизни ради искусства и, если да, жалели ли Вы об этом?*

— Смотря что подразумевать под словом «жертва». Я не жертвовал своей жизнью — не приходилось, слава богу. Не жертвовал и жизнью близких. Тем не менее, я живу жертвенной жизнью, потому что никакой другой жизни не знаю, кроме сочинения хореографии. Практически вся моя жизнь — это балетный зал, репетиции, спектакли. Поэтому в ней нет гармонии: что-то проходит мимо, многого не знаешь, лишен обычных радостей жизни, даже бытовых. Но когда ты работаешь в балетном зале и творишь, когда чувствуешь себя человеком, способным создать свой мир, — возникает ощущение сверхчеловека. Это необыкновенное счастье. Я думаю, что, поступаясь малым, я обретал гораздо больше истинного и вряд ли чем-то жертвовал в жизни.

Анастасия КШИЖЕВСКАЯ-МИРОШНИЧЕНКО, студентка факультета культуры, специальность — связи с общественностью, I курс, г. Гатчина

Ленинградской обл.: — *Известно, что творческие личности всегда находятся в поиске: скульпторы ищут свою модель, поэты — музу. А что ищете Вы?*

— С одной стороны, я прихожу в балетный зал и только рядом со своими артистами балета могу творить, с другой — я не стремлюсь к телесному контакту для вдохновения. Мне кажется, что вдохновение заложено в моей природе, а также в умении достигать этого необычного состояния. Это и есть подпитка, которая дает мне возможность много работать и активно жить. Поэтому я не стремлюсь найти вдохновение вне, я ищу его внутри себя.

Александр БЫЧКОВ, студент факультета культуры, специальность — социально-культурная деятельность, II курс, г. Южно-Сахалинск: — *Борис Яковлевич, существует ли литературное произведение, по мотивам которого Вы всегда хотели поставить спектакль, но у Вас не хватало сил или смелости?*

— Я почти не занимаюсь иллюстрациями каких-то произведений — литературных или музыкальных (если вы это имеете в виду), я создаю свои произведения, конечно, используя чью-то музыку. Мои спектакли провоцируются литературными произведениями, которые меня вдохновляют, но это не иллюстрация и не использование их, а какое-то сложное соприкосновение с ними. Поэтому нельзя сказать, что есть какие-то произведения, которые я хотел бы поставить и не могу. Я верю, что мои лучшие произведения, балеты, спектакли — впереди. Поэтому у меня есть предощущение того, что хочется сделать. Это дает стимул в жизни и работе.

Наталья ЛОКАЙЩУК, студентка факультета культуры, специальность — социально-культурная деятельность, I курс, г. Ангарск: — *Борис Яковлевич, поделитесь, пожалуйста, своими творческими планами.*

— К сожалению, сейчас я не могу сказать, какой будет новый спектакль, потому что я пока нахожусь в творческом поиске. Недавно состоялась премьера балета «Дон Жуан и Мольер» — это моя последняя работа. Я в процессе выбора моего будущего спектакля. Надеюсь, что в ближайшее время уже смогу рассказать о своей новой работе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Борис Яковлевич, несколько вопросов как раз об этом. Как происходит выбор? Допустим, «Русский Гамлет», «Красная Жизель» — как это происходит?*

— Это процесс рациональный и иррациональный одновременно. Есть круг тем, которые, как говорят режиссеры, находятся «в портфеле». У меня «портфеля» нет: темы бродят во мне, и я оперирую ими. Но при этом сам выбор практически никогда не происходит рационально: то есть вычисляешь, вычисляешь и потом вдруг — ЭТО. Нет, это интуитивный, подсознательный процесс, в результате которого вдруг понимаешь, что ЭТО ты хочешь и ЭТО тема ближайшего времени.

Часто решение приходит свыше. Внутри помимо тебя протекает процесс, выводящий на ту или иную идею. У меня, например, был период, когда я не мог принять решение по поводу нового спектакля. И однажды я проснулся, наверное, в 5 утра, встал, сел за письменный стол и записал название балета — как будто кто-то продиктовал его. Выбор — очень сложный процесс, большая умственная, рациональная работа, но решение совершенно не связано с ним — оно происходит по наитию.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо, Борис Яковлевич.*

Марианна МУХАНОВА, студентка факультета культуры, специальность — реклама, I курс, г. Краснотурьинск: — *Борис Яковлевич, скажите,*

пожалуйста, что Вы больше цените в балерине: эмоциональность, артистичность или отточенную технику танца?

— Я бы не разделял эти категории выразительных средств артистки. Я предпочитаю гармонично одаренных артистов. В балерине должно быть все прекрасно — она должна нести красоту, эмоции. И конечно, выразительность балерины должна проявляться в очень хорошей профессиональной технике. Так что я стремлюсь к гармоничной выразительности балерины.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Борис Яковлевич, прочту сразу три записки: «Муза для Вас только жена или вдохновить Вас на работу может еще кто-то или что-то?», «Уважаемый Борис Яковлевич, известно, что Пушкин уважал женские ножки, особенно ножки балерин. А у Вас есть эта слабость или что-нибудь подобное?» Третий вопрос включает оба предыдущих: «Скажите, по каким критериям Вы отбираете танцоров? Какого возраста Ваши танцоры?» Записок десять «Можно ли к Вам попасть?» от наших студентов кафедры хореографии.

— Моя жена действительно была замечательной балериной. Она была моей музой и вдохновительницей, особенно в трудные периоды. В конце 1970-х — начале 1980-х годов цензоры и политики старались прикрыть нашу деятельность. И тогда моя жена была не только музой в балетном зале, а человеком, который помогал мне верить, что мы все преодолеем, победим систему гонения, давления. Она была тем верным человеком, который всегда был рядом и всегда был готов прийти в балетный зал и работать со мной.

Что такое хореограф? Вот я сижу с вами, известный хореограф, но между тем я ничто без артиста: только с помощью артиста я могу реализовать себя, свои идеи. Такая зависимость, конечно, убивает, но она существует, и поэтому, когда ты уверен в том, что в любой момент можешь прийти в балетный зал и

рядом с тобой будет балерина, которая готова реализовывать твои идеи, — это дорогого стоит.

Непростой период жизни нас очень сблизил. Сейчас моя жена стала мамой и занимается только воспитанием ребенка. Может ли меня вдохновить сегодня другая балерина? Конечно, может. И необходимо, чтобы вдохновляла, потому что без ощущения яркой женской личности рядом очень трудно творить. Она не обязательно должна стать моей второй женой или родить мне второго ребенка, но если бы мы смогли с ней «родить» яркое балетное представление, я был бы ей благодарен. Конечно, в балетном зале я всегда чувствую рядом балерин, которые меня вдохновляют.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Вопросы, конечно, несколько фривольные, они не возбраняются, но рассматриваются только как шутка. Если балетмейстер в первую очередь думает о ножках балерин, то ему, скорее, надо работать менеджером в стрип-клубе. Там все это будет намного ближе.

— Следует добавить, что, конечно, не ножки вдохновляют, а личность. Я думаю, что вы это и сами понимаете. Наверное, даже в молодости меня не вдохновляли просто ножки — вдохновляла индивидуальность балерины или женщины, которая всегда была рядом со мной в балетном зале или в жизни. И причина не в моем профессиональном восприятии женского тела. Я думаю, что вы со мной согласитесь — человеческий дух выражается не только в движении ног. Только гармонично развитое, «воспитанное» тело может выразить тонкие, эмоциональные нюансы человеческой души. Как хореограф я отношусь к ногам как к инструменту, способному выразить мои мысли, эмоции. Поэтому не будем делать акцент на ножках. В женщине должно быть все прекрасно.

Юлия Красильникова, студентка факультета искусств, специальность — искусствоведение, II курс, Санкт-Петербург: — *Борис Яковлевич, с чего*

началось Ваше увлечение хореографией? Не могли бы Вы рассказать о своих первых шагах в этом виде искусства?

— Как сказал Александр Сергеевич, я помню себя больше танцующим, чем шагающим. Как все маленькие дети, я танцевал в школе, в детском саду, потом поступил в балетную школу. Я даже не знаю, что вело меня по этому пути — какой-то знак, судьба, как я стал тем, кто я есть сегодня, но убежден, что все было предначертано. И хотя моя жизнь менялась, в ней не было ничего случайного. Я думаю, что не случайно в 13 лет я начал сочинять хореографию, после окончания балетного училища не стремился быть профессиональным танцовщиком и, приехав в Ленинград, поступил в Консерваторию. Почти всю сознательную жизнь я думал не об исполнительской, а о сочинительской работе.

Ксения СОЛДАТОВА, студентка факультета искусств, специальность — искусствоведение, II курс, пос. Солнечное Тверской обл.: — *Борис Яковлевич, у Вас растет маленький сын. Хотели бы Вы, чтобы он прошел такой же путь и добился такого же успеха, как и Вы?*

— Я хотел бы, чтобы мой сын так же рано, как и я, почувствовал свою судьбу и предназначение. Главное, чтобы он выбрал свой путь, профессию, которой мог бы посвятить жизнь. Главное, чтобы все, что он будет делать, приносило ему радость, если это будет с любовью, то непременно даст результаты.

Алла САНИНА, студентка факультета искусств, специальность — искусствоведение, II курс, г. Кипель Самарской области: — *Борис Яковлевич, как Вы считаете, не вырождается ли нынешняя критика? Складывается впечатление, что сейчас в критики идут те, кто фактически больше ничего не умеет.*

— Трудный вопрос. Я не хотел бы заикливаться на анализе сегодняшней критики, потому что я уже многое сказал, а заниматься критикой критики не хотелось бы. Я думаю, что сегодня критики еще находятся на таком уровне, что не заслуживают глубокого анализа своей деятельности. Я думаю, что эта «детская болезнь» у них пройдет, и они обретут профессионализм и поймут, что такое критика, что такое журналистика. Сегодня есть хлесткая журналистика, которая освещает балетные события, но критики как таковой практически нет. Я надеюсь, что подрастет новое поколение, и мы получим то, чего заслуживаем.

Елена КОВАЛЕВА, студентка факультета культуры, специальность — связи с общественностью, I курс, г. Красноярск: — *Борис Яковлевич, бывали ли у Вас в жизни моменты, когда хотелось уйти из балета и вообще из искусства? Кто Вам помогал в таких ситуациях?*

— Конечно, были моменты очень тяжелые. Я помню, как после многолетнего запрета нашему театру вдруг разрешили отправиться в Финляндию на гастроли. Нас собрали в комитете культуры и объявили цель и задачи поездки и ее участников. Назвали имена почти всех наших артистов, кроме меня. Я был в шоке. В такие моменты человек обычно бросает заявление, чтобы выразить свое отношение. Но меня что-то остановило, слава богу. Я ушел и буквально через час уже репетировал с артистами, готовил их к этой поездке. В тот момент я понял: «они» приходят и уходят, а мы остаемся, поэтому я решил остаться навсегда.

Светлана Пакер, студентка юридического факультета, I курс, Санкт-Петербург: — *Борис Яковлевич, скажите, пожалуйста, к какому типу балетмейстеров Вы относите себя — к так называемым диктаторам, которые в большинстве случаев подавляют инициативу труппы, или к тем,*

кто только подбрасывает актерам идеи и позволяет им многое менять, даже основы?

— Я, конечно, отношу себя к диктаторам. Но что такое диктат в творческом коллективе? Это диктат творческой идеи. У руководителя, лидера творческого коллектива, есть идеи, которыми он объединяет всех. Но представьте себе, что наряду с моей идеей существует много других идей — альтернативных: мы бы никогда ничего не создали. В театре должна быть одна идея — творческая, объединяющая всех. Это диктат. Но каждый член нашего театра может добровольно покинуть его, если он не согласен с этой идеей. А если согласен, то должен подчиниться и работать, обеспечивая ее успех.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — В искусстве для артиста нет большего счастья, чем работать с гениальным режиссером или гениальным балетмейстером. Артистам труппы Бориса Яковлевича выпало такое счастье, они никогда ни на что его не променяют.

Александра ЗИНКОВСКАЯ, студентка факультета культуры, специальность — связи с общественностью, I курс, г. Алматы, Казахстан: — *Борис Яковлевич, что влияет на Ваше отношение к актерскому мастерству? Актерское мастерство для Вас — жизнь или игра?*

— Вы имеете в виду актерское мастерство в моих спектаклях или актерское мастерство в моей жизни?

Александра ЗИНКОВСКАЯ: — *В спектаклях.*

— *Всю свою творческую жизнь я разрабатываю идею драматизации балета, согласно которой выражение эмоций человека строится не только на технике танца, но и на технике выражения их через движения. Поэтому*

актерство — это не мимика и лицедейство, а проникновение в импульс движения, несущий эмоции и смысл. Это большое искусство, особая техника, которая изучается в нашем театре. Только наши актеры могут действительно передать движениями и эмоцию, и смысл. Для нас это и есть актерство.

Алексей ВАСИЛЬЧЕНКО, студент факультета искусств, специальность — режиссура, I курс, г. Норильск: — *Уважаемый Борис Яковлевич, Морис Бежар назвал искусство балета искусством XX века. Займет ли его место другой вид искусства?*

— У Мориса Бежара — выдающегося балетмейстера XX века — была труппа, которая называлась «Балет XX век». В XX веке творили и другие великие хореографы: Киллиан, замечательный балетмейстер Джон Ноймайер, Леонид Якобсон. Я надеюсь, что в XXI веке появятся новые имена, которые займут место их великих предшественников.

Кристина ЭПШТЕЙН, студентка факультета искусств, специальность — искусствоведение, I курс, Санкт-Петербург: — *Уважаемый Борис Яковлевич, известен афоризм: «Все гениальное просто». Согласны ли Вы с этим? Если да, то почему так мало гениев?*

— Это хорошо, что мало гениев. Представляете, как было бы трудно, если бы их было много. Ведь каждый гений творит свой мир. Эти миры могут противодействовать, вступать в конфликт. Они никогда не нашли бы гармонии, поэтому очень трудно было бы жить среди множества разнополярных миров.

А что касается афоризма, то гений реализует себя, ведомый какой-то высшей силой, высшим смыслом, поэтому его творчество действительно воспринимается как истина, которая, как всякая истина, проста. Но для того чтобы дойти до этой истины, нужен и дар Божий, и огромный жизненный опыт.

Путь к этой истине, к этой простоте очень тернист, но я согласен, что истина гениальна, когда она доступна и понятна.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Борис Яковлевич, какой у Вас автомобиль?*

— У меня практически нет автомобиля: где-то стоит старая-старая «шестерка». Не в колесах счастье.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Были ли у Вас неудачные, на Ваш взгляд, спектакли?*

— Когда выпускаешь спектакль, то, конечно, именно он самый важный, самый любимый. Проходит время — анализируешь, находишь моменты, которые хочется переделать. Большое счастье, что я работаю не в кино, а в театре и могу возвратиться к спектаклю, изменить его, привнести что-то новое. Поэтому неудачных спектаклей я не могу назвать.

Знаете, как говорили о Бетховене: у него есть длинноты, но какие гениальные! Каждый мой спектакль, к моему счастью, имел успех и признание зрителей, но каждый, безусловно, профессионально несовершенен. Весь мой путь — это движение к совершенному спектаклю. Я думаю, в этом стимул творчества.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Были ли у Вас в жизни экстремальные ситуации?*

— Конечно, были. Думаю, что каждый день. Каждый по-своему понимает экстремальную ситуацию. Представьте себе: зима, холодно, я утром в балетном зале, приходят актеры, каждый по-своему прожил предыдущую ночь. Кто-то спал — кто-то не спал, кто-то рад жизни — кто-то не очень, кто-то очарован —

кто-то разочарован. В первые минуты контакта нужно создать творческую атмосферу, передать им какую-то энергию, желание творить. Это экстремальная ситуация. Если я смогу это сделать, смогу заразить их творческой энергией — будет удачный день, если нет — ничего не получится. Поэтому с экстремальной ситуацией я сталкиваюсь каждый рабочий день.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Борис Яковлевич, в зале сейчас 30–40 студентов-хореографов, которые идут по вашему пути, и вот записка, почти трагическая, хотя вроде бы спокойная: «У Вас такое необыкновенное лицо — светлое и доброе. Действительно чувствуется, что вы “избранный”. Скажите, такой феноменальный талант дается только от Бога или этого можно добиться трудом, потом и кровью?»

— В этом вопросе есть подвох: я должен говорить о своей избранности. Если вы позволите, я буду говорить не о себе, а о нас. Все, что есть в моих коллегах и во мне, — от Бога. Мой организм — это инструмент, настроенный на творческий процесс, взаимодействие. Конечно, все каналы, которые во мне существуют и передают творческую энергию, можно забить и потерять контакт. А можно содержать их в чистоте, держать открытыми, но это огромная духовная работа. Большая часть моей жизни и усилий уходит на то, чтобы готовить свой организм к этому контакту и реализации высшей информации. Это, безусловно, дар Божий, без которого ничто не может существовать в творческом мире.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — Как Вы относитесь к деньгам и сколько зарабатываете? Борис Яковлевич, совершенно не обязательно отвечать на все вопросы. Вы мне можете просто сказать: «Без комментариев».

— Я хотел бы иметь столько денег, чтобы я их не ощущал, потому что большие деньги, это, конечно, большие проблемы, маленькие деньги — тоже проблемы. Нужно найти «золотую середину». Мне кажется, что я сегодня нахожусь как раз в этой «золотой середине» и не ощущаю, есть у меня деньги или нет. Их достаточно при моем образе жизни, но если я выйду за установившиеся рамки, у меня возникнут проблемы. Я ограничиваю себя в деньгах и других соблазнах, чтобы не выйти за границы своего творческого круга.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Борис Яковлевич, а Вы знаете, сколько получаете?*

— Знаю.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Вы обращаете на это внимание?*

— Да, обращаю, к сожалению.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Вы не рассказали, как выбираете актеров. Какие требования — примерный рост, вес — Вы предъявляете к танцорам, желающим у Вас работать? Как идет отбор?*

— К сожалению, я не могу похвастаться широким выбором. Бежар, например, может объявить в каком-нибудь уголке мира конкурс артистов балета, может быть, даже 100–150 человек на место. Если я объявлю конкурс в Петербурге — ничего подобного не будет. Поэтому я не жду, когда ко мне приедут, а сам иду навстречу талантливым актерам. Мы ищем и отбираем талантливых, созданных для нашего театра актеров. Они могут быть как в глубинке, так и в столице.

Иногда происходят удивительные метаморфозы. Уроженец далекого уголка таежной Сибири через три-четыре года становится звездой нашего театра. Главным критерием отбора артистов являются внешние данные: безусловно, должны быть высокие, красивые тела, необходима и определенная техника, которая позволит молодым артистам работать в нашей труппе. Но решающее значение имеет одаренность: ведь сразу видно, что человек рожден быть актером, рожден для сцены, для лицедейства, для активной, насыщенной эмоциями жизни. Когда мы находим таких актеров, мы счастливы и делаем все возможное, чтобы они тоже были счастливы у нас.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *А были ли случаи, когда Вы выгоняли артистов?*

— Это бывает очень редко. У нас в театре актеры работают по контрактной системе, но далеко не каждый актер приживается. У нас очень непростая жизнь: очень много работы, высокие требования. Актеры должны соответствовать определенному уровню, потому что наш театр конкурирует с лучшими балетными труппами мира.

Для того чтобы сегодня быть конкурентоспособными, нужно очень много работать — другого пути к успеху я не знаю. Только работа, ежедневная, очень активная творческая работа. Многие, конечно, не выдерживают: сами уходят или мы расторгаем контракт. Актер всегда чувствует, если он задействован, в нем есть интерес, а если этого нет — он уходит.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Борис Яковлевич, кто Ваш высший суд? Если бы Ваши спектакли не видели зрители, Вы продолжали бы ставить их? Если Ваше творчество не понимают, трагедия ли это для Вас?*

— Я, наверное, не смог бы существовать без зрителя. Для меня театр — а я создал свой театр — существует как единое пространство сцены и зрителя, потому что для меня важна коммуникация сцены и зрителя, то, что происходит

в нашем театре. Именно связь сцены и зрителя имеет для меня большое значение, поэтому я не смог бы работать все время в пустоту. А что касается трагедии непонимания, то Бог меня миловал. Главное, что вдохновляет меня при таком «разном» отношении критики к нашему искусству, — практически всегда проявляющаяся активная и положительная реакция зрителя.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Борис Яковлевич, музыка, которую Вы любите слушать, и музыка, на которую Вы ставите балеты, — одна и та же?*

— Практически да.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Не хотелось ли Вам поставить балеты на рок-музыку?*

— Наш театр прославился в 1977 году в первой своей программе тем, что в нем впервые тогда в Советском Союзе на профессиональной сцене начали использовать практически запрещенную тогда музыку. Это была музыка «Пинк Флойд», Рика Уэйкмана — музыка 25–30-летней давности. Для вас это классика, а тогда это была авангардная музыка.

Используя эту музыку, я привлек в балетный театр нового зрителя, тех, кто никогда не видел «Лебединое озеро», классические балетные спектакли. Они приходили к нам для того, чтобы услышать свою любимую музыку и познать новый тип балета. С рок-музыкой связаны яркие и незабываемые годы нашего творчества. Сейчас я задумал поставить балет на американскую джазовую музыку 1920–30-х годов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Борис Яковлевич, кто Ваш любимый композитор?*

— Трудно сказать. Работая, я использовал музыку многих композиторов. Я ставил на музыку Чайковского, Рахманинова, Мусоргского, Хачатуряна, Щедрина, Шнитке, Берлиоза, Моцарта, Баха, Малера, Бетховена. Выделить кого-то — значит предать остальных. Поэтому я не стану сегодня называть любимого композитора.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Играете ли Вы на каком-нибудь музыкальном инструменте?*

— Когда-то играл. Сегодня уже не играю.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Волнуетесь ли Вы перед премьерой?*

— Всегда сильно волнуюсь, потому что каждый спектакль — плод как минимум года активной жизни. Во время премьеры от тебя уже мало что зависит: передаешь свое детище в руки артистов, осветителей, рабочих сцены, администраторов. И в такой момент чувствуешь себя беспомощным и зависимым и, конечно, волнуешься даже не за результат, а за процесс: смогут ли исполнители выполнить все на самом высоком уровне?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Возможно ли передать всю глубину чувств, высшую информацию, не имея идеальных физических, хореографических данных? Как себя чувствует человек, настолько близко прикоснувшийся ко времени — вечности и бесконечности, как Вы? Хочется ли Вам возвращаться из высших сфер в обычный мир?*

— Я не только хореограф, но и директор театра. Ежедневно я решаю очень много бытовых проблем: существования моих актеров, их заработной платы, условий жизни, условий труда. Жизнь не дает подняться высоко над

землей. Постоянно нахожусь в движении вверх-вниз, вверх-вниз — это синусоида моей жизни.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Трудно реализовать себя, свой мир и свои мысли, используя такой несовершенный материал, как человеческое тело. Представим, что техника уже достигла немыслимых сегодня высот и можно создавать виртуальную реальность, голографические изображения танцующих людей, моделировать с помощью компьютера. Откажетесь Вы тогда от балерин, от танцовщиков?

— Я думаю, что сила нашего искусства как раз в том, что оно оперирует человеческим телом. Человеческое тело — еще до конца не изученное, не осознанное явление природы и балетного искусства, хореографы только приближаются к познанию его возможностей. Для меня не существует ничего выразительнее человеческого тела. Человеческое тело — уникальное творение природы, Божье творение. Я уверен, что и мы, и будущие поколения будем поражены новыми открытиями, связанными с возможностями человеческого тела.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Существует поговорка: «Невозможно танцевать про архитектуру». Как Вы считаете, все ли можно выразить в танце?

— Можно все. Но нужно ли?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сразу две записки об одном и том же (читает): У всех бывают творческие кризисы, депрессии. Были ли они у Вас, и как Вы из них выходили?

— Бывают, конечно, и кризисы, и депрессии, и отчаяние бывает. Выбираюсь из них очень просто: зная, что завтра утром 50 моих артистов будут ждать меня в балетном зале, не могу не прийти. Поэтому после трудной ночи утром прихожу в балетный зал и начинаю все сначала.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Верите ли Вы Достоевскому, считавшему, что красота спасет мир?*

— Да, верю, и более того, всегда стремлюсь соответствовать его идее, работать на ее реализацию. Думаю, что красота нашего искусства тоже участвует в преобразовании мира.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Сомневались ли Вы когда-нибудь в своем предназначении, не хотели ли все бросить?*

— Нет, никогда. Я действительно чувствую себя счастливым, избранным человеком, которому дана возможность прожить интересную и созидательную жизнь.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Мешает ли кто-то или что-то Вашей работе?*

— Нет. Я думаю, мешает только ощущение несовершенства моего тела, возможностей, потому что фантазии и идеи опережают сегодняшние возможности. Хореограф — это инструмент, который тоже реализует свои идеи через свое тело: ведь я не рассказываю свою хореографию, а показываю ее. А когда эмоции захлестывают, когда ощущаешь желание, которое уже не соответствует физическим возможностям, поскольку с годами тело, как ни печально, имеет обыкновение стареть, возникает главная проблема хореографа — проблема творческого долголетия. Это одна из основных проблем, волнующих меня сегодня.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Были ли моменты, когда Вы чувствовали себя счастливым?*

— Вот сейчас я счастлив — я с вами.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Ваши любимые писатель и литературный персонаж?*

— Я опять не хотел бы выделять кого-то из своих соавторов или даже из авторов, которых я читаю, — не из корыстных целей, а из удовольствия. Мир литературы для меня очень много значит, он немало дал мне. Поэтому было бы несправедливо сказать, что этот автор мой любимый, а остальных я просто использовал.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Многие считают, что черный цвет — цвет неуверенного человека. Так ли это? И можно ли быть неуверенным в себе и своих силах, несмотря на то что тебя считают преуспевающим?*

— Конечно. Я думаю, что многие преуспевающие люди не уверены в себе, но скрывают это. Но я не знал, что черный цвет — символ неуверенности. Думаю, что это не так. Я давно полюбил этот цвет, эта любовь идет еще от «черного квадрата» Малевича. В нем есть какая-то тайна, глубина. Я надеваю черное в надежде углубиться в себя, изолироваться от внешнего мира и что-то открыть в себе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *То есть это доспехи, панцирь Бориса Эйфмана?*

— Да. И роба, рабочая роба.

А. С. Запесоцкий: — Общеизвестно, что балет, хореография — международный язык. Но Россия — загадка. Понимают ли иностранцы русскую душу лучше благодаря балету?

— Во всяком случае, мы стараемся. Стараемся, потому что балет действительно не знает языковых барьеров. Мы показываем в Европе, Азии, Америке искусство, созданное в Петербурге русскими актерами, и находим адекватную реакцию. Я поражаюсь возможностям нашего искусства и верю, что они будут развиваться, и язык танца, язык нашего искусства узнают и поймут все. Это язык будущего.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Ваше отношение к использованию современных технических средств в балете?*

— К сожалению, я еще не до конца понял возможности использования современных технических средств. Я давно не был у вас. Сегодня я прогулялся по Университету и восхищен его колоссальным потенциалом. Я даже сказал Александру Сергеевичу, что мечтаю услышать от него предложение о сотрудничестве Университета и нашего будущего Дворца танца. Наши личные дружеские отношения с Александром Сергеевичем должны перерасти в новую форму сотрудничества.

Нам нужны молодые, талантливые профессионалы, которых готовят в Университете. В будущем мы не только обретем поколение профессионалов, но и с их помощью приобретем новые технические возможности, технологии, новые идеи обогащения искусства. Я открыт. Я считаю, что человеческое тело ничто не заменит, но вокруг него должна существовать современная техническая цивилизация, если можно так сказать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Сергей Довлатов говорил: «В каждой работе необходима минимальная доля абсурда». Руководствуетесь ли Вы этим принципом?*

— Специально абсурдным не занимаюсь, но иногда, глядя на себя в зеркало и видя свое тело танцующим, понимаю, что это полный абсурд.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Каких дизайнеров Вы предпочитаете?*

— Дизайнеров? Последние восемь лет я работаю с постоянным соавтором и замечательным художником Вячеславом Окуневым. Я счастлив, что сотрудничаю с ним. Он создает не просто декорации, а собственный пластический изобразительный мир, который помогает реализовывать мои идеи. Я хочу, чтобы все знали, что наши спектакли создаются мной и художником Славой Окуневым.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Борис Яковлевич, были ли в Вашей жизни мистические события, случаи? Чувствуете ли Вы влияние «высших» сил на свою судьбу?*

— С привидениями не встречался, но убежден, что потусторонние силы оказывают на меня влияние и ведут меня по жизни.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Расскажите, как это бывает?*

— Например, тот случай, о котором я уже рассказал вам: я записал название спектакля, не осознавая, что делаю, — просто встал, сел за стол и написал.

Помню, я снимал свой первый фильм-балет в 1978 году в Екатерининском дворце. Группа вечером уехала, а я случайно остался. Тогда

это еще было возможно — видимо, охрана меня не заметила. Я провел ночь в Екатерининском дворце. Никогда не забуду это ощущение. В то время многое еще не было реставрировано. Часовня еще не была восстановлена, и все было полуразрушенное, странное, недоделанное. Гуляя во дворце ночью, я не встретился с духами, но ощущал присутствие потусторонних сил. Я думаю, если прислушиваться, можно обнаружить, что вокруг нас существуют и другие миры.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Мы сегодня много говорили о критике, студенты спрашивают (читает записку): Чувствительны ли Вы к критике?*

— И да, и нет. Были разные периоды. Конечно, вначале я очень активно реагировал, переживал за себя, а теперь переживаю за них.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Если бы Вы поймали золотую рыбку, то с какими тремя желаниями Вы обратились бы к ней?*

— Сделать свой совершенный спектакль и увидеть своего сына взрослым и счастливым.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Прозаический вопрос: коллекционируете ли Вы что-нибудь?*

— Вы знаете, я ничего не коллекционирую, но у меня есть странная привычка: я работаю в черной робе, она изнашивается со временем и каждый раз, даже совершенно рваную, мне жалко ее выбросить. Мне кажется, что, выбросив ее, я выброшу свою силу, свою энергию, свое вдохновение, свою удачу. Из суеверия я собираю эти рваные майки. Конечно, это не коллекция, а свалка моих прошлых побед.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *А как получается — одна роба на спектакль?*

— Стараюсь даже продлить срок службы одежды, потому что я человек суеверный, и мне кажется, что мне не повезет или все сложится не так, если я сменю ее. изнашиваю робу до конца: сколько она может на мне быть, столько она на мне и будет. Может быть, даже больше, чем возможно.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Среди городов мира Петербург для Вас на первом месте. Какой город на втором?*

— Париж. Только не завидуйте мне сейчас, молодые люди, которые еще нигде не были. Вы обязательно побываете и в Париже, и в Нью-Йорке, и в других городах мира. В вашем возрасте я видел гораздо меньше, но, наверное, больше мечтал.

Петербург, Париж и Нью-Йорк для меня — киты, которые держат мир, хотя это совершенно разные города. Нью-Йорк дал мне силу и настоящую славу, Париж — удивительное ощущение причастности к великому, творческому, а Петербург для меня все.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Ваши любимые места в Петербурге?*

— Любимые места... Я люблю все в Петербурге, но есть один незабываемый уголок — на берегу Невы, пристань у Адмиралтейства, где стоят два маленьких львенка. Когда мне было лет 15, я впервые приехал в Ленинград, спустился к Неве, встал на колени и сказал: «Я клянусь, что буду здесь жить и творить и многое дам этому городу».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *От великого — к плотскому. Соблюдаете ли Вы диету?*

— К сожалению, нет. И это видно, увы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Борис Яковлевич, записка немного грустная (читает): Я знаю хороших театральных режиссеров, мужчин и женщин: все до одного пьют крепкий кофе, курят и нецензурно выражаются в отношении своих трупп. А Вы?*

— Нецензурно не выражаюсь, считаю это оскорблением для актера, для человека, который рядом со мной. Стараюсь не кричать на подчиненных, хотя, конечно, бывает, срываешься по слабости. Я не курю и никогда не курил. Это ни плюс, ни минус — просто не дано и все. А крепкие напитки очень люблю. Я непьющий, но считаю, что у организма должна быть какая-то гармония с внешним миром, спиртные напитки — как раз одна из возможностей такой связи.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Не мешает ли карьера Вашей личной жизни?*

— У меня практически нет личной жизни, поэтому ей ничего не мешает. Моя карьера мешает личной жизни моего сына, потому что я уделяю ему недостаточно внимания, и он не ощущает, что у него есть отец, который может помочь ему сформироваться как личности. Карьера мешает личной жизни моих близких, а моей личной жизни — нет, потому что моя жизнь — мой театр и все, что связано с ним, и есть моя личная жизнь.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Свидетельствует ли участие Вашего сына в спектакле «Русский Гамлет» о его устойчивом интересе к балету?*

— У него нет никакого интереса к балету, у него сейчас интересы совсем другие: его привлекают динозавры, минералогия. Он очень любит читать детские энциклопедии, то есть у него противоположное направление движения.

Но я надеюсь, что он выпрямит свой путь и, как блудный сын, вернется к отцу и примет мою веру.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Вы хотели бы, чтобы он стал балетмейстером?*

— Нет, я хотел бы все-таки, чтобы он занимался своим любимым делом, но где-то, конечно... и да, и нет. Я знаю, как мучительна жизнь хореографа. Для того чтобы быть хореографом, нужно беззаветно любить свое дело и понимать, что без него жить невозможно. Только тогда можно посвятить ему свою жизнь. А обрекать своего сына на такие страдания — было бы безжалостно. Но если он выберет такую судьбу, это будет его судьба.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Не секрет, что с творческими людьми жить очень сложно. Бывают ли у Вас выходки, и терпит ли их семья?*

— Моя семья — это моя жена. Она, конечно, понимает, с кем связалась, и терпит, как может.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Почему Вы назвали своего сына Александром?*

— Не в честь Александра Македонского. Я мечтал, что родится девочка и будет носить имя моей мамы — Клара. В имени «Александр» есть все буквы имени «Клара». Так я выразил свою любовь и память матери в имени сына.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Студентка спрашивает: «Не хотите ли Вы еще одного ребенка?»*

— Хочу. Хочу.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Но на этот раз — девочку.*

— Как Бог распорядится.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Вам много приходится гастролировать с театром. Путешествует ли с Вами семья?*

— Раньше путешествовала. Со спектаклем «Русский Гамлет», в котором участвовал мой сын, мы были в США, во многих городах Европы. Я их иногда брал с собой, чтобы они не забывали меня, а я их. В этом году мой сын пошел в первый класс, и, я думаю, гастроли у него сократятся: ему нужно заниматься делом — учиться, учиться и еще раз учиться.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Через 11 лет, мне хочется верить, он придет в Гуманитарный университет профсоюзов, где у Вас будет знакомый ректор.*

— Я буду счастлив, если он будет учиться здесь.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо. Борис Яковлевич, можете ли Вы прогнозировать развитие современного балета? Каким Вы его видите в будущем?*

— Это серьезный вопрос. Трудно делать прогнозы, но меня, безусловно, радует, что сегодня в мире о нашем театре говорят как о модели балета будущего. Что такое балет будущего? Для меня это в первую очередь театр, аккумулирующий все достижения театрального искусства, изобразительного искусства, киноискусства, современного искусства вообще, создающий новое театральное зрелище, в котором через тело выражается глубинное, эмоциональное и психологическое состояние человека. Таким я вижу современный театр.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Есть ли у Вас несбывшаяся мечта?*

— *Совершенный спектакль, который мне хотелось бы сделать, — моя мечта.*

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Борис Яковлевич, теперь я немножко почитаю, что студенты написали о Вас: «У Вас очень привлекательная внешность», «Я счастлива, что на встрече с таким интересным человеком», «Огромное спасибо, что нашли время прийти к нам и ответить на наши вопросы».*

— *Спасибо.*

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Уважаемый Борис Яковлевич, Вы удивительный человек, сразу чувствуется, что Вы «божья искра» в этом безумном мире.*

— *Спасибо.*

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *«А я не устала, потому что мне безумно интересно. Я отсидела бы еще три-пять-семь встреч, потому что у меня раньше не было такой возможности. Я счастлива, что учусь именно здесь».*
Мария. Журналистика.

«Огромное Вам спасибо, Борис Яковлевич, за Ваше искусство».

«Борис Яковлевич Эйфман, Вы — человек, посвятивший свою жизнь балету. Я уверена, что все присутствующие гордятся, что сидят с Вами в одной аудитории».

Пишут студенты факультета искусств:

«Это потрясающая духовная пища для нас. Нам крупно повезло — мы ведь первокурсники Университета. Настоящее счастье видеть Вас на сцене, Борис Яковлевич».

Я от души благодарю Бориса Яковлевича Эйфмана. Борис Яковлевич, в Университете Вам всегда рады. Мы счастливы с Вами соприкоснуться.

Цветы Борису Эйфману!